

способ воплощения смысла, закрепления его в знаке; структуры мифа концептуально-символичны. Этим положением мы подтверждаем мысль романтиков - культура рождается поэтически, поэзия выражает национальное духовное богатство и дает жизнь остальным практикам в мире человека.

Подводя итог так осуществленной феноменологии культурного знака можно вывести следующее: подлинное бытие культуры раскрывается мифопоэтически и символически с-казывается.

Литература

1. *Heidegger, M. Zeit und Sein // Zur Sprache des Denkens.* Tübingen, 1969. - S. 3.
2. *Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления.* - М., 1993. - С. 333.
3. Современный Энциклопедический словарь. - М., 1997.
4. Степанов, Ю.С. О некоторых актуальных проблемах философии языка в сторону логики, феноменологии и других областей // *Философия языка: В границах и вне границ.* - Харьков, 1999. - С. 25-26.
5. *Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества.* - СПб., 1996. - С. 140.

М. Шильман

Знаки препинания (в) культуре

В знаковой системе культуры возможно выделение подсистем, позволяющих сфокусировать внимание на ее тех или иных функциональных аспектах, получающих свое выражение через множество знаков определенного рода. В качестве одного из таких множеств, обладающих относительной автономностью в культурной целостности, может выступать исторически и идеологически оправдываемая система различных запрещающих знаков. Так как любая культурная традиция армирована немалым числом ограничений, угроз и запретов, допустимо считать, что именно структура препон играет роль одного из контекстов, а зачастую и подтекста наблюдаемых явлений.

В нашем случае не преследуется цель развить мысли о регулятивном характере запретов, устанавливаемых культурой и в ней действующих. Задачей видится установление функциональной аналогии между знаками запретов культуры и знаками препинания письма. Это предложение, во-первых, использует понятие культуры как текста и обогащает арсенал т.н. "текстильных" метафор (Р. Барт). Во-вторых, оно отсылает к предложенной Ж. Деррида аналогии между культурой и письмом, подразумевая посильное отождествление как обеих знаковых систем в целом, так и составляющих их элементов в частности. Наконец, в-третьих, оно акцентирует наличие ряда формальных сходств между репрессивным характером нашей "культуры запрета" (Ж. Бодрийар), и репрессивным характером письма (Ж. Деррида).

Нелегко отрицать тот факт, что любая культура немислима без разветвленной сети запретов, сфер иносказаний и замалчиваемых тем. В этом смысле культура - это не только система производства новых и комбинирования известных знаков, но и система, регулирующая обращение знаков

и изобретающая правила их сочетания. Путем установки запретов на те или иные знаковые ансамбли и трактовки конкретных явлений культура и вырабатывает свой стиль, и создает собственную грамматику. Одним из средств подобного разделения возможных ситуаций на "приемлемые" и "неприемлемые" являются специфические знаки, которые служат для затруднения неправильного считывания культурных требований. Знаки такого рода участвуют не столько в трансляции культурой информации, представляющей ценность, сколько в форматировании самого этого процесса, направлении его в предпочтительные русла и артикуляции его ценностных составляющих. Как препоны "свободному чтению", эти знаки расчленяют текст культуры на смысловые блоки, задавая ключ к прочтению текста культуры "по правилам". Причем, для выполнения своей функции операторов считывания, они должны заметно отличаться от знаков, совокупности которых непосредственно отвечают за информационное содержание культурных сообщений.

Аналогом системы запрещающих знаков в культуре служит, по нашему мнению, система знаков препинания в письме. Письмо, исключая свободную циркуляцию буквенных знаков, связывает свободу их комбинирования правилами правописания. Подобно тому, как культура лавирует между запретами, сталкивается с запретами и, пытаясь отменить одни из них, создает новые, письмо в своем течении "упирается" в грамматику и спотыкается о расставленные знаки препинания. Знаки препинания, принадлежа письму, обслуживают те его стороны, которые не подлежат выражению знаками иного рода. Обозначая границы синтаксических конструкций и разграничивая независимые предложения, препинание представляет одну из структур различия и расчленения, которая указывает на интонацию, на расположение пауз, на вопрос или восклицание, регулирует голос, но никогда не прочитывается как отдельный фонетический сегмент. Знаки, негласно обуславливающие чтение текста, способны указывать на соотношения фонетических элементов, а значит, представляют в совокупности зримый беззвучный контекст.

Очевидное, на наш взгляд, сходство двух знаковых систем оправдывает рассмотрение культуры как потенциально незамкнутого письма. Присущие всякой культуре центробежные и центростремительные тенденции превращают ее в систему, которая каждым своим состоянием демонстрирует конкретный вариант баланса между потребностями коммуникации с другими культурами и страстью сохранения своей идентичности. При этом размыкание культурного комплекса ведет к повышению его коммуникативных возможностей за счет ослабления регулятивных функций и наоборот - обостренное чувство культурного самосохранения реализуется через ужесточение запретов и увеличение их числа, способствующее большей степени изоляции, т.е. к замыканию культуры. В свою очередь перегруженность культуры знаками запрета, а следовательно, и знаками приоритета, и знаками отказа, провоцирует эксперименты по девальвации приоритетных считываний и опротестованию действующих запрещений. В итоге можно

сказать, что механизм препинаний культуры работает как оперативная система, устанавливающая непостоянную пропорцию между рациональным и иррациональным началами, между потребностями и страстями. В ней как знаки остановки (а значит, движения, акцентов и пограничья) - связывают культуру в единое целое, стоя на пути ее чрезмерного размыкания, и членят ее на отдельные явления, охраняя от коллапса невозможности генерации новых смыслов

Как и в обычном письме, в культуре как письме следует различать две группы знаков - "буквы" и "знаки препинания". При помощи букв, "собранных" в слова, пишется сообщение, охотящееся за адресатом; знаки препинания стоят на пути к адресату, задавая свод условий надлежащего понимания этого текста. Стоящие (особняком) знаки препинания, "...в каком-то смысле инородные элементы текста, отличные от букв..." [1, с. 16], сродни другим заметно обособленным от остального текста знакам - пробелам, печатам, подписям, пометкам - и препятствуют не получению сообщения, а его "неверному" пониманию. Данная расстановка знаков препинания называется тем "дополнительным" сообщением, которое артикулирует сообщение, заключенное в словах, настаивая на определенной интонации прочтения последнего. Или, образно говоря, навязчиво дополняющий "словарную массу" ключ к ее пониманию является ставленником знаков препинания. Таким образом, культурное сообщение как бы "приправляется" невидимым субъектом, от имени которого высказывается "основная мысль" и оставляются без внимания ряд других, нежелательных пониманий.

Не производя попыток обнаружить фиксированного "субъекта письма" мы возвращаемся к мысли Деррида об "эффекте субъективности", который производится структурой текста. Текст структурируется в том числе и явной на письме системой знаков препинания, благодаря наличию которой возникает неустрашимый эффект наличия субъекта. Признавая то, что согласные письма ведают потребностями, а гласные - страстями, мы можем наблюдать сложный баланс страстей и потребностей не только в каждом слове. Нормативная пропорция потребностей и страстей выдерживается в потоке многообразных чередований гласных и согласных, разбитом и артикулированном расставленными в нем знаками препинания. Однако если подобная разбивка дана неявно, но становится механизмом становления, построение, конституирования субъекта, причем она "...есть становление субъекта отсутствующим и бессознательным" [2, с. 196], то она всегда удерживает культурное пространство лишь одним из множества возможных образов. Препинание и интонация, структурирующие понимание культурного сообщения, не могут считаться ни единственными, ни "объективными". Будучи своего рода приз(н/р)аками субъективности, они исподволь отсылают к некоему "рассеянному субъекту", чей авторитет способен подтвердить правомерность культурных требований - "богу", "традиции" или "истории". При этом авторит(ет/ар)ной инстанции, способной осуществлять "короткое замыкание" культуры, приписывается язык знаков препинания.

О том, что нормативный синтаксис выполняет идеологические и полицейские функции достаточно сказано теорией литературы. Синтаксис рас- творен в семантическом поле культуры и препятствует ее разворачиванию как все более незамкнутого письма, навязывая того "автора", чьи "ключе- вые" интонации с(т)имулируются расстановкой знаков препинания. Всякое же размыкание, а значит и расширение межкультурной коммуникации, со- пряжено с движением освобождения. Освобождение культуры от "бремени истории" или "груза традиции" аналогично эмансипации письма от пунктуа- ции, отрицанию правописания и свободе в обращении со знаками препина- ния. Поэтому задачу не сводить синтаксис к технической разбивке текста, а напротив - "...расподобить синтаксис от окружающей его среды сообще- ния..." и "...признать самостоятельное сообщение пунктуации..." [3, Росс- ман] есть смысл рассматривать как часть стратегии бесконфликтного диа- лога культур.

Известно, что в ходе коммуникации интонация сообщения способна обидеть получателя больше, чем та информация, которая в сообщении со- держится. В нашем случае можно сказать, что, в общих чертах, потребно- сти и страсти разных культур сходны настолько же, насколько сходны и са- ми люди, принадлежащие разным культурам. Непонимание же, которое часто наблюдается в отношениях культур, обусловлено, в значительной степени, несовместимостью их интонаций в прочтении аналогичных явле- ний. Другими словами, конфликты культур проистекают, скорее, не из явно- го несовпадения того, что описывается культурой, а из столкновения раз- личных систем знаков препинания, правил правописания, техники письма.

Манипуляции со знаками препинания способны реконфигурировать и переопределять интонационную составляющую письма культуры, а значит, и видоизменять операции понимания ее сообщений. В таком случае "пере- писывание" культурных сообщений в различных режимах препинания, т.е. деконструкция синтаксисов культур для поимки консенсусов между ними может служить залогом эффективности межкультурного взаимопонимания.

Литература

1. Кустова Г. Когнитивные модели в семантической деривации и система произ- водных значений // Вопросы языкознания, - №4, - 2000.
2. Деррида Ж. О грамматологии. - М.: Ad Marginem, 2000.
3. Россман В. Техники пунктуации: знак препинания как философский метод // Вопросы философии, - №4, - 2003.

Н.В. Загурская

Знаки маскулинной травмы в украинской культуре

Орган, как и жест, в неклассической философии трактуется как знак , тела, с помощью которого оно может интерпретировать себя. Развитие этой концепции и её дополнение концепцией о наличии в телесной конст- рукции не только и не столько органов, но также зазоров и лакун, неизбеж- но приводит к признанию также знаков отсутствия и травмы. В контексте осмысления национальных культур, замечает А. Синельников «анатомиче-